

ИСХОД

*Без Бога нация — толпа,
Объединенная пороком.*

Иеромонах Роман

В чернолесье, без троп,
В заколдованном сумрачном царстве,
Среди прелой листвы
И *безкрайних*¹ низинных болот,
Испытав на себе
Безпредел и земные мытарства,
Брел, не зная куда,
Отступивший от Бога народ...

Как во всякой толпе,
Где соседствуют конный и пеший,
Был неясен исход,
Было множество разных идей.
Исподлобья глядел
Царь лесной, — озабоченный леший,
И по кругу водил
Заплутавших в трущобе людей.

Кто-то крикнуть успел,
Угодивший в крутую трясины,
Чей размеренный шаг
Был вначале и прям, и упруг.

¹ Здесь и далее — авторская дореформенная орфография.

Кто-то в сильном бреду
Тонкоствольную видел осину.
И над ней, в синеве —
Ослепительный солнечный круг.

А еще далеко, —
С переливами море пшеницы.
И большое село,
Где малиновый звон по утрам.
И красивых людей,
Со славянскими светлыми лицами,
Отворяющих дверь
В златоверхий спасительный храм.

НАД ДОНСКИМ БЕЛОГОРЬЕМ

Боже мой! Эти лунные тени
В переулке, на нашем пути!
Среди новых добротных строений
Тех, старинных, теперь не найти.

Досиня побеленные мелом,
В древних шапках соломенных крыш,
Прижимались избушки несмело
К тем сараям, где спряталась тишь.

Под плетнями дежурили кошки,
Точно совы, луну сторожа.
Где-то всхлипы далекой гармошки
Уплывали, в аккордах дрожа.

Те тропинки, что были короче,
Будто сделались уже, длинней.
Мы любили бродить в эти ночи
Среди звездных и лунных огней.

Чтобы светом наполнилась память,
Мы на землю ложились ничком.
Средь ромашек, в июльскую замять,
Под звенящие трели сверчков.

Мы теряли из виду друг друга,
Нас по-волчьи преследовал рок.
Нас кружила смертельная вьюга
По кривью, по изломям дорог.

Сколько душ унесла в Запределье!
Мне подкинула снег на виски.
Нет, не маюсь, не мучусь бездельем
На правах пенсионной тоски.

По привычке седлаю Пегаса
Из опущенных Господом сил,
Чтоб меня до закатного часа
В царство памяти конь уносил.

Невесомую голову вздыбив,
Сквозь забвенье и суетный быт —
В край, где солнце серебряной зыбью
Подкует полукружья копыт.

В край, где живо заветное слово
И поставлена в храме свеча.
Где раздольные песни Кольцова
Над задумчивым Доном звучат.

Там в есенинской взвихренной кепи,
Над донским белогорьем кружа,
Опрокинусь в кольцовские степи,
В чабрецовый полуденный жар...

Станет мир ослепительно синим.
Будет в поле торжественный гуд.
Обрету уголочек России,
Что в народе погостом зовут.

Среди пыльных акаций и кленов,
Средь надгробий и ржавых оград,
Подчиняясь великим Законам,
Лягу вровень с ушедшими, в ряд.

Млечный Путь воссияет над нами.
И, как бывший земной человек,
Прошепчу неживыми губами:
«Будь, Россия, отныне вовек!»

В БЕЛОМ, ПОД БЕЛОЙ ГОРОЙ

Там, где иссеченный белыми осами,
Где их несчитанный рой,
Ты, не охотник, спускался откосами
В белом, под белой горой.

Что увлекло тебя в снежную замать
К древним донским берегам?
Что воскресила нетленная память
Сквозь разномыслье и гам?

Тысячи крупных и мелких ошибок?
Тысячи мин у дорог?
Кто из нас не был на взлете не сшиблен?
Кто не валился бы с ног?

Кто из нас не был чуть-чуть иноверцем
В прозе ли, в ритме стиха?
Кто бы, ладонь, возлагая на сердце,
Молвил, что он без греха?

Кто из поэтов словесными всхлипами
С вьюгой общался на «Вы»,
Либо в распадке, под голыми липами,
Слушал стенанья совы?

Что из того, что пространства осилены
Воздух хватающим ртом?
Ты ли спрямил мозговые извилины
На повороте крутом?

Волки уж следом, чтоб кровью напиться,
Праздник устроить в глуши...
Только бы выдержать, только б не сбиться,
Только бы страх приглушить.

Только бы Господу ниц поклониться,
Тихо молитву прочесть,
В сердце твоём, в потаенной светлице,
Место для Господа есть!

В ИЮЛЬСКУЮ ПОРУ

Иногда, брат, в июльскую пору,
Оседлаешь стального коня
И — пошел! По проселочной! В гору!
С вольным ветром ищите меня...

Окунешься в полынное чудо,
В меловую дорожную пыль.
Прочь от тли, от судов-пересудов,
От гудящей шмелями толпы!

И на самом верху, на горище,
Распростершись в седых ковылях,
Станешь точно спокойней и чище.
Под тобою не вздрогнет земля.

Небеса над тобой не качнутся,
Не оглушит полуденный гром,
Чтобы грешному с болью очнуться,
Ощувив нелады под ребром.

Если это однажды случится
Дай-то Бог не упасть, не пропасть!
Что судьба? Что слепая волчица?
Что ее неумная пасть?

Будет слово последнею данью.
Легкокрылые душу снесут
Без препон, через все мирозданье,
На Великий и Праведный суд.

Там не будешь казаться громоздким,
Не «запудришь» народу мозги,
Не сгодятся поэту подмости,
Если снизу — ни звука, ни зги...

А пока декламируешь звонко!
Только лучше б в миру предпочел
Поднебесную песнь жаворонка,
Золотое мерцание пчел.